

СОВРЕМЕННЫЕ СТАНДАРТЫ ДОСТАТОЧНОСТИ ОСНОВАНИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О НАЧАЛЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Абрамова Любовь Леонидовна¹, Муравьев Кирилл Владимирович²,
Николаева Наталия Александровна³

¹Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Россия

²Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Россия

³Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

¹luba11177@mail.ru

²murki@list.ru

³natalische1212@mail.ru

Аннотация: На основе изучения научных позиций и практики правоприменения обобщены подходы к стандартам достаточности данных о признаках преступления, полученных на первоначальной стадии процесса. Констатируется, что последовательно, с внесением изменений в закон, классические подходы о минимальном объеме данных, необходимых для возбуждения дела, изменились. В современной уголовно-процессуальной политике данному акту придается гиперболизированное значение, он отождествляется с актом проявления уголовного преследования. Расширение требований к объему доказательственной информации, получаемой на первоначальной стадии процесса, породило стремление правоприменителя к повышению качественного и количественного потенциала получаемых сведений, с целью существенного снижения риска признания принятого решения незаконным и необоснованным. В качестве одного из приемов разрешения проблемы предлагается принимать решение о начале расследования с предварительной юридической квалификацией деяния «по главе УК РФ».

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, фактические основания, начало предварительного расследования, квалификация, достаточность.

Для цитирования: Абрамова Л.Л., Муравьев К.В., Николаева Н.А. Современные стандарты достаточности основания принятия решения о начале предварительного расследования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 151-157.

MODERN STANDARDS OF SUFFICIENCY OF THE GROUNDS FOR MAKING A DECISION TO START A PRELIMINARY INVESTIGATION

Lyubov L. Abramova¹, Kirill V. Muraviov², Natalia A. Nikolaeva³,

¹Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia

²Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Orel, Russia

³Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

¹luba11177@mail.ru

²murki@list.ru

³natalische1212@mail.ru

Annotation: Based on the study of scientific positions and law enforcement practice, approaches to the standards for the sufficiency of data on the signs of a crime obtained at the initial stage of the process are summarized. It is stated that consistently, with the introduction of changes in the law, the classical approaches to the minimum amount of data required to initiate a

case have changed. In modern criminal procedural policy, this act is given an exaggerated meaning, it is identified with the act of manifestation of criminal prosecution. The expansion of the requirements for the volume of evidentiary information obtained at the initial stage of the process gave rise to the law enforcement officer's desire to increase the qualitative and quantitative potential of the information received, in order to significantly reduce the risk of recognizing the decision as illegal and unreasonable. As one of the methods for resolving the problem, it is proposed to make a decision to start an investigation with a preliminary legal qualification of the act “under the head of the Criminal Code of the Russian Federation”.

Keywords: initiation of a criminal case, factual grounds, start of preliminary investigation, qualification, sufficiency.

For citation: Abramova L.L., Muraviov K.V., Nikolaeva N.A. Modern standards of sufficiency of grounds for making a decision on the start of a preliminary investigation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2023. № 2(95). P. 151-157.

На современном этапе уголовно-процессуальная наука столкнулась с комплексом достаточно сложных проблем, связанных с законностью и обоснованностью процессуальных актов о начале предварительного расследования, которые предопределяют возможность дальнейшего использования органами дознания и предварительного следствия всего предоставленного им арсенала государственно-властных полномочий по уголовному делу.

В силу формировавшейся долгие годы уникальной отечественной системы досудебного производства, предполагающей интеграцию функций «полиции» и «юстиции», наделение правоохранительных органов полицейского типа полноценными судебно-следственными властными полномочиями, обнаружилось проблемы юридического «начатия» предварительного расследования, сопровождающиеся серьезными доктринальными и законодательными противоречиями и приводящие к трудностям в правоприменительной практике.

При этом в течение многих лет эти противоречия в определённой степени сглаживались путем использования специфических «коллабораций» – изобретений советской правовой мысли. Одним из таковых является стадия возбуждения уголовного дела – уникальный в своем роде механизм, представленный переходным этапом между непроцессуальной (оперативно-розыскной и административной) и процессуальной деятельностью одних и тех же государственных органов. Однако в связи с начавшимся в 1990-е годы поиском нового, наиболее приемлемого для постсоветского общества пути развития уголовного процесса, охраняющего прежде всего интересы личности, но в то же время не пренебрегающего государственно-властными потребностями, используемые в течение нескольких десятков лет доктринальные и законодательные подходы к началу предварительного расследования стали непригодными, во-многом искусственными, не согласующимися с реальным потребностями правоприменительной практики. Другими словами, в условиях новой государственной политики в сфере уголовного судопроизводства на поверхность проявились многие изъяны первоначальной стадии уголовного процесса, которые ранее просто предпочитали не замечать, старались не обращать на них внимание. В этой связи процессуальная регламентация начального этапа досудебного производства стала подвергаться постоянным колебаниям.

С момента принятия УПК РФ в его раздел VII «Возбуждение уголовного дела» внесено множество изменений и дополнений, постепенно наделяющих первоначальный этап процесса сомнительными элементами. Ввиду указанных обстоятельств в уголовно-процессуальной науке не прекращаются бурные дискуссии, направленные на решение вопроса о дальнейшей судьбе стадии возбуждения уголовного дела [1, с. 48-54]. Высказываются самые различные точки зрения: от ее полной ликвидации как юридически обособленного этапа досудебного производства [2, с. 35-50; 3, с. 71-76] до сохранения

в своем классическом виде [4, с. 20-26]. Подобные разногласия невольно влекут за собой целый комплекс более частных доктринальных споров, приводящих к все новым и новым законодательным противоречиям и, в конечном счете, вызывающим очередные трудности в повседневной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда, а также в адвокатской практике. Работы многих процессуалистов посвящены различным частным аспектам начального этапа уголовного процесса [5, с. 78-82; 6, с. 64-71; 7, с.102-109; 8, с. 106-112; 9, с. 84-91; 10, с. 55-59].

Вместе с тем на сегодняшний день ощущается острая необходимость в корреляции хорошо разработанных еще в советский период оснований для возбуждения уголовного дела с современными тенденциями правотворческой политики в сфере уголовного судопроизводства. Именно поэтому, по нашему мнению, в настоящее время представляется актуальным проведение исследований, направленных на изучение отечественного механизма начала предварительного расследования, в целях сохранения его лучших традиций, развития правовой доктрины, совершенствования уголовно-процессуального законодательства и оптимизации правоприменительной практики.

В качестве методологической основы и теоретического базиса, безусловно, следует обратиться к исследованию отдельных доктринально-правовых категорий. В частности, в контексте ч. 2 ст. 140 УПК РФ тщательному рассмотрению подлежит категория «достаточность». По классическому замыслу законодателя решением о возбуждении уголовного дела фиксируется факт обнаружения признаков преступления, что является законным основанием для проведения предварительного расследования. Вместе с тем в современной уголовно-процессуальной политике данному акту придается гиперболизированное значение. Он отождествляется с актом проявления уголовного преследования. О чем свидетельствует: а) возможность возбуждения дела в отношении конкретного лица, которое автоматически становится подозреваемым (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ);

б) процедурные гарантии от необоснованного уголовного преследования посредством установления особенностей начала предварительного расследования в отношении отдельных категорий лиц (ст. 448 УПК РФ); в) ряд экстраординарных условий (правил) для возбуждения уголовного дела по преступлениям в налоговой сфере и сфере страхования (п. 7-9 ст. 144 УПК РФ); г) специальное основание для возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 228.1 и 228.4 УК РФ в части незаконного сбыта наркотических средств (ч. 4 ст. 140 УПК РФ) и др. Ситуация усугубляется и тем, что в условиях безоговорочно гуманных правил реабилитации, когда прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого по ряду оснований влечет, в том числе, право на возмещение вреда (ч. 2 ст. 133 УПК РФ), обоснованность акта о начале предварительного расследования практически приравнивается к обоснованности решения о привлечении в качестве обвиняемого.

Значимость высоких стандартов достаточности доказательств подчеркивается Президентом РФ В.В. Путиным в своих ежегодных посланиях. Указывается о недопустимости излишнего уголовного давления на бизнес, исключении фактов позволяющих превращать хозяйственный спор в сведение счетов при помощи возбуждения заказных уголовных дел¹. В этих условиях следственная и судебная практика выработала стандарты информационной достаточности доказанности. П.С. Яни справедливо призывает к осмыслению теоретиками и учету в практической деятельности правоприменителями этого очевидного факта. Рассматривая, к примеру, преступления, связанные со взяточничеством, автор признает наличие по делам такой категории «царицы доказательств» в виде материалов оперативно-розыскных мероприятий [11, с. 38].

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 29.12.2022).

Вышеперечисленные и многие другие факторы на современном этапе ориентируют правоприменителя на значительное расширение деятельности по установлению фактических оснований для начала предварительного расследования. В сложившихся условиях формирование в практике довольно высоких стандартов достаточности данных, необходимых для наибольшей обоснованности решения о возбуждении уголовного дела, представляется вполне очевидным. В этой связи, проведенные реформы уголовно-процессуального законодательства, усугубленные качественным изменением преступности, трансформировали классическое (советское) понимание задач стадии возбуждения уголовного дела, предполагавшее установление минимальных признаков преступления.

Вместе с тем в качестве сдерживающего элемента завышения «планки» достаточности данных представляется рациональным обратиться к возможности на этапе принятия решения о начале предварительного расследования производить лишь предварительную квалификацию деяния по отдельной статье, а в ряде случаев – главе УК РФ. Полагаем, что требование о точной уголовно-правовой оценке содеянного в постановлении о начале расследования является избыточным, поскольку полное установление признаков всех элементов состава преступления на первоначальном этапе производства законодателем не требуется. Квалификация преступления, содержащаяся в постановлении о возбуждении уголовного дела, может быть приблизительной, гипотетической, подверженной дальнейшему изменению. Представления об уголовно-правовом отношении еще не сформированы полностью. На момент начала расследования не требуется (а в ряде случаев и невозможно) установление способа, средств и орудий совершения преступления и других признаков, служащих для отграничения смежных преступлений. Например, разграничение преступлений против жизни и здоровья (ст.ст. 105, 111 и 112 УК) осуществляется по умыслу и по последствиям, форм хищений (ст.ст. 158-162 УК) – по способу совершения хищения и т.п. Поэтому считаем, что возможность указания в постановлении о возбуждении дела квалификации деяния по главе УК РФ (в приведенных выше примерах: по признакам преступления, предусмотренного гл. 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» или гл. 21 УК РФ

«Преступления против собственности») в ряде случаев в большей степени соответствовала бы результатам конкретизации сведений об уголовно-правовом отношении [12; с. 232-233].

О правильности изложенного подхода свидетельствуют ретроспективные нормы. В частности, в соответствии со ст. 253 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. полиция не требовалось производить на первоначальном этапе точную оценку преступного деяния. В ст. 101 УПК РСФСР 1922 г. (и УПК РСФСР 1923 г.) следователю предписывалось при наличии поводов и указаний на состав преступления приступать к производству предварительного следствия. Однако о необходимости выносить постановление о возбуждении дела с указанием квалификации деяния не говорилось. Только в УПК РСФСР 1960 г. появилась норма (ст. 112), которая предусматривала в постановлении о возбуждении уголовного дела, помимо прочих сведений, указывать статью уголовного закона, по признакам которой возбуждается дело. Вместе с тем законодательных требований фиксировать конкретную часть статьи уголовного закона, а тем более квалифицирующий признак (пункт) не содержалось.

Многие страны постсоветского пространства не стали предусматривать в уголовно-процессуальных законах императивных требований точной квалификации (с указанием, пункта, части и статьи уголовного закона) при решении вопроса о начале

уголовного предварительного расследования², что представляется правильным.

Таким образом, для оценки фактических оснований и отграничения деяния от административных и других видов деликтов достаточно произвести «неконкретизированную» квалификацию, с определением только вида или категории преступления, содержащегося в деянии. Установление обязательных криминообразующих признаков преступления, как содержания основания для начала расследования, позволяет дать предварительную квалификацию деянию по отдельной главе или статье УК РФ. Для успешного внедрения положения «об упрощенной первоначальной квалификации» необходимо также изменить правила подследственности, ввести распределение компетенции органов предварительного расследования по признакам родового объекта преступления, что поможет снять проблему определения субъекта, уполномоченного вести производство по делу, при наличии «пограничных» составов преступлений.

Точная уголовно-правовая оценка деяния может быть дана позже, когда это необходимо для уяснения наличия материально-правовых условий принятия последующих процессуальных актов (в решении о применении меры процессуального принуждения, постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и т.п.).

Подводя итог рассуждениям, полагаем, что в наибольшей степени соответствующим обозначенным теоретическим подходам, требованиям действующего законодательства и состоянию правоприменительной практики можно считать определение фактических оснований для начала предварительного расследования как «наличие данных об отдельных признаках состава преступления, позволяющих произвести предварительную юридическую квалификацию деяния, в соответствии со статьей, а в случае невозможности – главой Особенной части УК РФ». Считаем, что предложенная формулировка позволит учитывать дифференциацию составов преступлений, устранил неясность критериев установления надлежащего фактического основания для возбуждения уголовного дела, исключит случаи расширения пределов установления данных, разрешит спорные вопросы определения их достаточности.

1. Россинский С.Б. Возбуждение уголовного дела как автономная стадия российского уголовного судопроизводства: за и против // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 48-54.
2. Гаврилов Б.Я. Концепция начала производства по уголовному делу: законодательные мифы и реалии правоприменения // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 2(81). С. 35-50.
3. Деришев Ю.В. Реликт социалистической законности мутирует // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 6(102). С. 71-76.
4. Азаров В.А. О совершенствовании правовых основ (или возможном «отмирании»?) стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 20-26.
5. Азаренок Н.В. Реализация права подозреваемого на получение копии постановления о возбуждении уголовного дела: анализ новеллы // Уголовное право. 2019. № 1. С. 78-82.
6. Кальницкий В.В. Истребование документов и предметов в стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2015. № 2. С. 64-71.
7. Муравьев К.В., Седельников П.В. Назначение и производство судебной экспертизы как вид специальных познаний, применяемый на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1(28). С. 102-109.
8. Муравьев К.В. Сущность процессуального акта о возбуждении уголовного дела в отношении лица // Уголовное право. 2013. № 1. С. 106-112.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 [Электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 22.12.2022); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 22.12.2022); Уголовно-процессуальный закон Латвии от 21.04.2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2019/09/upz-latvii-prava-i-objazannosti-uchastnikov-ugolovnogo-processa-v-latvii.pdf> (дата обращения: 22.12.2022).

9. Семенов Е.А., Власов В.В. Как использовать предварительные исследования специалиста до возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс. 2017. № 5(149). С. 84-91.
10. Титова К.А. Участие адвоката-представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика в стадии возбуждения уголовного дела. // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1 (86). С. 55-59.
11. Яни П.С. Достаточность доказательств по делам о взяточничестве // Законность. 2018. № 9. С. 37-42.
12. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. ... доктора юрид. наук. Омск, 2018. 505 с.

1. Rossinskij S.B. Vozbuzhdenie ugolovnogogo dela kak avtonomnaya stadiya rossijskogo ugolovnogogo sudoproizvodstva: za i protiv // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3. S. 48-54.
2. Gavrilov B.YA. Konceptsiya nachala proizvodstva po ugolovnomu delu: zakonodatel'nye mify i realii pravoprimereniya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. 2017. № 2(81). S. 35-50.
3. Derishev YU.V. Relikt socialisticheskoy zakonnosti mutiruet // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2017. № 6(102). S. 71-76.
4. Azarov V.A. O sovershenstvovanii pravovyh osnov (ili vozmozhnom «otmiranii»?) stadii vozbuzhdeniya ugolovnogogo dela // Biblioteka kriminalista. 2014. № 1. S. 20-26.
5. Azarenok N.V. Realizaciya prava podozrevaemogo na poluchenie kopii postanovleniya o vozbuzhdenii ugolovnogogo dela: analiz novelly // Ugolovnoe pravo. 2019. № 1. S. 78-82.
6. Kal'nickij V.V. Istrebovanie dokumentov i predmetov v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogogo dela // Zakonodatel'stvo i praktika. 2015. № 2. S. 64-71.
7. Murav'ev K.V., Sedel'nikov P.V. Naznachenie i proizvodstvo sudebnoj ekspertizy kak vid special'nyh poznanij, primenyaemyj na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogogo dela // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2014. № 1(28). S. 102-109.
8. Murav'ev K.V. Sushchnost' processual'nogo akta o vozbuzhdenii ugolovnogogo dela v ot-noshenii lica // Ugolovnoe pravo. 2013. № 1. S. 106-112.
9. Semenov E.A., Vlasov V.V. Kak ispol'zovat' predvaritel'nye issledovaniya spetsialista do vozbuzhdeniya ugolovnogogo dela // Ugolovnyj process. 2017. № 5(149). S. 84-91.
10. Titova K.A. Uchastie advokata-predstavatelya poterpevshego, grazhdanskogo istca, grazhdanskogo otvetchika v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogogo dela. // Nauchnyj vestnik Orlov-skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2021. № 1(86). S. 55-59.
11. Yani P.S. Dostatochnost' dokazatel'stv po delam o vzyatochnichestve // Zakonnost'. 2018. № 9. S. 37-42.
12. Murav'ev K.V. Optimizaciya ugolovnogogo processa kak formy primeneniya ugolovno-go zakona: dis. ... doktora yurid. nauk. Omsk, 2018. 505 s.

Информация об авторах

Любовь Леонидовна Абрамова. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.

Сибирский юридический институт МВД России.

660131, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20

Кирилл Владимирович Муравьев. Заместитель начальника (по научной работе). Доктор юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Наталья Александровна Николаева. Преподаватель кафедры криминалистики.
Кандидат юридических наук.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

Information about the authors

Lyubov L. Abramova. Deputy Head of the Department of Criminal Procedure. Candidate of Legal Sciences.
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
660131, Russian Federation, Krasnoyarsk, Rokossovsky str., 20.

Kirill V. Muraviov. Deputy Head (for scientific work). Doctor of legal sciences, associate professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, st. Ignatova 2.

Natalia A. Nikolaeva. Teacher of the Chair of Criminalistics. Candidate of Legal Sciences.
Krasnodar University of the Russian interior Ministry.
350005, Russian Federation, Krasnodar, 128 Yaroslavskaya str.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 07.04.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted February 17, 2022; approved after reviewing April 7, 2023; accepted to the writing of the article for publication May 5, 2023.